

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ МИНЦ

(Москва),

*аспирант кафедры отечественной истории новейшего времени
Российского государственного гуманитарного университета*

«ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА»

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА СССР

О ПОЛИТИЧЕСКОМ ХАРАКТЕРЕ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ (КОНЕЦ 1920-Х – 1941 ГГ.)

Изучение такой темы, как представление военно-политического руководства СССР о будущей войне в 1920–1930-е гг., в настоящее время только начинается; гораздо большее внимание исследователей до сих пор привлекали вопросы событийной истории указанного периода. Между тем для понимания нашего прошлого, включая историю и предысторию Отечественной войны 1941–1945 гг., изучение довоенных представлений имеет колоссальное значение. Войны не вспыхивают внезапно; в масштабах человеческой истории в целом они являются скорее завершением часто довольно длительных и сложных процессов, к числу которых относится и военное строительство, содержание и направление которого определяется представлениями о том, как и с какой целью предстоит использовать вооруженные силы. Важно отметить, что комплекс таких представлений, который можно рассматривать как прогностический образ будущей войны, существует в любом государстве, содержащем собственную армию, даже если оно и не планирует в обозримой перспективе вести какую-то конкретную войну с кем-либо из своих соседей (в противном случае собственная армия будет просто не нужна). Соответственно, исход начавшейся войны не в последнюю очередь зависит от того, как ее реалии соотносятся с довоенными прогнозами. Не является исключением и война между СССР и Германией. К грядущей схватке с «мировым империализмом» Советский Союз начал готовиться задолго до того, как вспыхнула Вторая мировая война. Поэтому изучение представлений о будущей войне, бытовавших в предвоенный период в среде советского военно-политического руководства, позволило бы увязать отдельные оценки, проекты и решения в целостную картину, глубже понять логику действий советского руководства накануне Отечественной войны и после ее начала, что, в свою очередь, является необходимым условием для более объективной оценки причин неудач РККА в 1941–1942 гг. Предлагаемая статья посвящена одной из ключевых составляющих образа будущей войны – представлениям о ее политическом характере, включая цели в ней Советского Союза, а также о составе вероятных противников.

* * *

Ожидалось, что будущая война возникнет либо как нападение коалиции крупных капиталистических государств на СССР, либо как новая схватка между «великими державами» за передел мира. В последнем случае представлялось весьма вероятным, что в войну попытаются втянуть и Советский Союз. Причиной будущей войны в советской пропаганде объявлялось якобы имманентно присущее капиталистическому строю стремление развиваться за счет поиска новых внешних рынков сбыта и вывоза капитала, порождающее борьбу за сферы влияния. В качестве дополнительного фактора, «усугубляющего» предыдущий, с 1929 г. начинает упоминаться мировой экономический кризис, обостряющий как «межимпериалистическую борьбу», так и отношения между капиталистическими странами и СССР, ибо последний представляет собою «богатейший рынок сбыта и вывоза капитала»¹. Даже теперь, когда кризис постепенно проходит, подчеркивалось уже во второй половине 1930-х гг., опасность войны не уменьшается, поскольку капиталисты «уже сами не верят в возможность значительного своего роста на основе развития своих внутренних сил»². Называлась и другая возможная причина: «поскольку надежды на внутреннее перерождение СССР и на внутреннюю

контрреволюцию биты», у империалистов не осталось иного способа уничтожить его, кроме войны³.

Какие же цели должен был преследовать Советский Союз в будущей войне? Официальная позиция советского руководства заключалась в том, что со стороны СССР война будет носить исключительно оборонительный характер⁴. Однако есть основания полагать, что в действительности дело обстояло сложнее и помимо сугубо оборонительной войны допускались и другие варианты развития событий. Прежде всего настораживают некоторые формулировки в выступлениях «вождей». Так, К.Е. Ворошилов в заключительном слове на расширенном заседании РВС СССР 25 октября 1932 г. говорит о подготовке к войне, «которую нам навязет внешний классовый враг»⁵. Очевидно, что «навязать войну» – понятие более широкое, чем «напасть». И.В. Сталин в политическом отчете ЦК ВКП(б) XVI съезду партии говорит о необходимости оттянуть неизбежную в будущем войну «либо до того момента, пока не вызреет пролетарская революция в Европе, либо до того момента, пока не назреют вполне колониальные революции, либо, наконец, до того момента, пока капиталисты не передерутся между собой из-за дележа колоний»⁶. В принципе, это высказывание, равно как и предыдущее, не исключает возможности того, что СССР может вступить в войну и по собственной инициативе – либо если войну ему «навяжут», либо если «капиталисты передерутся между собой» и советское правительство посчитает необходимым воспользоваться ситуацией. Делались и более агрессивные заявления. Так, В.М. Молотов на VII съезде Советов предположил, что убийца С.М. Кирова был агентом иностранной разведки, добавив, что предполагаемая подрывная деятельность, осуществляемая капиталистическими государствами в Советском Союзе, «серьезно испытывает наше терпение», а «всякому терпению может притти конец»⁷. Напрашивается резонный вопрос: что же произойдет, когда «терпению придет конец»? Не является ли «посылка террористов в СССР и завязывание преступных связей с ними внутри нашей страны» одним из способов «навязать» войну Советскому Союзу?

Обсуждался и вопрос о поддержке СССР в случае войны зарубежным пролетариатом. Здесь, однако, ясности не было. Так, М.Н. Тухачевский в своей брошюре «Вопросы современной стратегии» (1926 г.) предполагает, что в будущей войне «мы неизбежно столкнемся с таким серьезным фактом, как социалистическое рабочее движение во враждебных нам государствах»⁸. Позже, в статье «Полевой устав 1929 года», он отмечал, что, хотя масштабы такого движения спрогнозировать невозможно, у советской стороны будут достаточно широкие возможности для того, чтобы максимально усилить его нанесением поражений вражеской армии на фронте и интенсивной агитацией в тылу⁹.

Аналогичные мысли развивал и В. Триандафиллов в своей работе «Характер операций современных армий». Исходя из того, что будущая война потребует полного перевода всей экономики на военные рельсы (вплоть до того, что ряд отраслей промышленности, не имеющих военного значения, может вообще прекратить работу), он прогнозировал значительное падение уровня жизни и, как следствие, рост революционных настроений. «Лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, – делал вывод Триандафиллов, – найдет в будущем более благодатную почву, чем это имело место в первой мировой войне»¹⁰. Он даже использовал этот прогноз в полемике с А.А. Свечиным как дополнительный аргумент в пользу «стратегии сокрушения»: нанесение мощных ударов по войскам противника усиливает социальную напряженность у него в тылу¹¹.

Параллельно с этим, однако, отмечалось, что размах будущих революционных потрясений в государствах – противниках СССР не следует преувеличивать, поскольку буржуазные правительства, несомненно, примут все возможные меры к тому, чтобы сохранить лояльность масс, что позволит им выставить против СССР довольно сильные

армии с достаточно прочным тылом¹². Интересную мысль высказал Триандафиллов, предположивший, что в случае войны и в СССР произойдет обострение классовой борьбы, поскольку здесь еще сильны «буржуазные элементы»; правда, это не будет представлять большой опасности, так как большинство населения составляют трудящиеся, которые останутся лояльными по отношению к советскому государству¹³.

Описанные тенденции сохранялись и в последние предвоенные месяцы. Пропагандистские лозунги об «освобождении трудящихся», «укреплении границ» (за счет их перемещения), «расширении фронта социализма» не были сняты после польской и финской кампаний, присоединения Прибалтики и Бессарабии. Напротив, официальная установка заключалась в том, что СССР и впредь будет проводить прежнюю политику «расширения позиций социализма», благо еще Ленин считал, что новая мировая война позволит большевикам завоевать власть во всей Европе, подобно тому, как война 1914–1918 гг. способствовала захвату ими власти в России. Л.З. Мехлис в написанной им в 1940 г. директиве военным советам и начальникам политуправлений Киевского особого и Одесского военных округов по идеологической подготовке к возможной войне с Румынией за Бессарабию специально остановился на вопросе о справедливых и несправедливых войнах, отметив, что «всякая война, которую ведет государство рабочих и крестьян, является войной справедливой, войной освободительной»¹⁴.

25 июля 1940 г. главный редактор газеты «Правда» Е.А. Болтин в своем выступлении на совещании с писателями подчеркивал, что основа военной идеологии остается прежней: РККА, как и любая другая армия, есть инструмент войны, а не мира; война Советского Союза против любого капиталистического государства справедлива независимо от того, кто ее начнет; армию нужно готовить к наступательным боям; с представлениями о том, что мы, т.е. СССР, будем обороняться, «а сами в драку не полезем», необходимо бороться; возможность того, что СССР первым нанесет удар, не исключена¹⁵.

В мае 1941 г. И.В. Сталин, по-видимому, решил дополнительно «усилить» «наступательные» настроения в советской пропаганде. Результатом этого стали его знаменитые выступления 5 мая на приеме в Кремле выпускников военных академий. Точной стенограммы этих выступлений, по-видимому, не существует (во всяком случае, обнаружить подобный документ в архивах до сих пор не удалось), однако их содержание может быть восстановлено достаточно точно по сохранившимся пересказам, авторы которых присутствовали на приеме. Попробуем проанализировать высказывания генсека, относящиеся к вопросу о политическом характере будущей войны, в том виде, в каком они приводятся в ряде источников.

Довольно развернутую цитату приводит в своем дневнике В.А. Малышев: «Дальше т. Сталин говорил о внешней политике.

“До сих пор мы проводили мирную, оборонительную политику и в этом духе воспитывали и свою армию. Правда, проводя мирную политику, мы кое-что заработали!.. (Здесь т. Сталин намекнул на Зап[адную] Украину и Белоруссию, и Бессарабию). Но сейчас положение должно быть изменено. У нас есть сильная и хорошо вооруженная армия”.

И далее... “хорошая оборона – это значит нужно наступать. Наступление – это самая лучшая оборона”.

“Мы теперь должны вести мирную, оборонную политику с наступлением. Да, оборона с наступлением. Мы теперь должны переучивать свою армию и своих командиров, воспитывать их в духе наступления”»¹⁶.

В дневнике Димитрова эти слова Сталина переданы более кратко: «...*Наша политика мира и безопасности есть в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне*»¹⁷.

Еще один документ – т. н. «краткая запись» некоего К.В. Семенова, предположительно сотрудника НКО, поступившая в Центральный партийный архив 18 мая 1946 г. Слова Сталина в ней переданы следующим образом: «Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост за мирную Сталинскую внешнюю политику.

Тов. Сталин: Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону – до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны – теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия – армия наступательная»¹⁸.

Примерно так же, как ответ вождя на слова одного из генералов, описывает сталинскую речь и присутствовавший на приеме майор Евстифеев (в его версии речь идет о начальнике Военной академии им. Фрунзе Хозине). Следует, правда, учитывать, что в данном случае мы имеем дело с показаниями, данными на допросе в немецком плену, которые, по понятным причинам, требуют предельно осторожного к себе отношения. И действительно, обращает на себя внимание то, что данный текст (я позволю себе не цитировать его полностью из-за довольно большого объема) является значительно более развернутым, нежели другие, известные на данный момент, содержит ряд подробностей, отсутствующих в других текстах, и в целом, пожалуй, больше, чем другие тексты, соответствует версии о подготовке СССР к нападению на Германию, которую в то время использовала немецкая пропаганда. Тем не менее, если абстрагироваться от деталей, то можно увидеть, что основная мысль сталинского выступления, по версии Евстифеева, не отличается сколько-нибудь существенно от того, как она передается в других записях. Основное отличие состоит в том, что в данной передаче Сталин изъясняется более откровенно и в более резких выражениях. Это могло быть связано как с отсутствием той цензуры и самоцензуры, под влиянием которой, несомненно, находились авторы, остававшиеся в Советском Союзе, так и наличием самоцензуры иного характера, связанной с пребыванием автора в плену. Описывая случай на кремлевском приеме, Евстифеев слегка усиливает агрессивные мотивы в выступлении Сталина, создавая у читателя образ Советского Союза, подобного «хищному зверю, который затаился в засаде, поджидая свою добычу, чтобы затем одним прыжком настичь ее», поскольку «эра мирной политики закончилась и наступила новая эра – эра расширения социалистического фронта силой оружия»¹⁹.

Если попытаться проанализировать приведенные выше записи речи Сталина 5 мая 1941 г., включая, с определенной оговоркой, и показания майора Евстифеева, то следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, хотя в выступлении генсека присутствуют военные термины – наступление и оборона, – речь здесь явно идет не столько о различных формах боевых действий, сколько о наступательной или оборонительной политике и о постановке соответствующих политических целей будущей войны. Советская стратегия имела наступательный характер и в предшествующие годы.

Во-вторых, что немаловажно, прежней «оборонительной» политике противопоставляется новая «политика наступательных действий», которая, по словам Сталина, должна прийти ей на смену. Заметим попутно, что даже «оборонительная политика» понимается здесь более чем специфически, раз приобретение ряда новых территорий путем агрессивных по сути своей действий также объявляется ее результатом. Если это следует считать оборонительной политикой, то в чем же должна состоять

наступательная? Если, кроме того, вспомнить, что и в период «оборонительной» политики в советской пропаганде постоянно присутствовал тезис о том, что СССР может вступить в войну по собственной инициативе, то слова о «переходе к военной политике наступательных действий», к тому же сопровождающиеся утверждениями о том, что реконструкция Красной армии завершена (насколько это соответствовало действительности – отдельный вопрос), можно рассматривать как свидетельство того, что вступление в войну по собственной инициативе из гипотетического сценария превратилось во вполне реальную перспективу. Тем более, что вслед за сталинской речью действительно началась ускоренная перестройка пропаганды в наступательном духе. Во время обсуждения на Главном военном совете 4 июня 1941 г. проекта директивы об очередных задачах партийно-политической работы в РККА А.А. Жданов, объясняя новую ситуацию, подчеркнул также преемственность новой политики по отношению к прежним временам: «Перехода от одной политики к другой нет. Еще Ленин говорил во время первой мировой войны (так в тексте. – М.М.) в статье “О лозунге Соединенных Штатов Европы”, что в случае необходимости, победивший пролетариат выступит даже с военной силой против капиталистических государств. Политика наступления была у нас и раньше. Эта политика была определена Лениным. Мы теперь лишь лозунг меняем. Мы приступили к реализации ленинского тезиса»²⁰.

Здесь мы подходим к часто обсуждаемому вопросу о том, принял ли Сталин политическое решение о введении в действие майского проекта стратегического плана 1941 г., то есть о нападении на Германию. Вопрос действительно немаловажный, однако его формулировка, как представляется, нуждается в некоторой корректировке. По справедливому замечанию М. И. Мельтюхова, «авторы, любящие порассуждать о “политическом решении” о начале войны (т.е. о нападении СССР на Германию. – М.М.) не спешат точно определить, какой именно документ является “политическим решением”. Причем разногласия существуют даже в отношении действий германского руководства»²¹. В свете этого, как мне кажется, было бы корректнее говорить не о «политическом решении» как разовом акте, а о степени серьезности намерений начать войну, возрастающей по мере завершения подготовки к ней. Мы можем проследить этот процесс на примере действий германского руководства, которое не только развернуло подготовку к нападению на СССР, но и осуществило его. Серьезность намерений Гитлера начать войну против Советского Союза возростала постепенно, в несколько этапов. Если первым из них можно считать приказ о разработке планов войны, отданный еще летом 1940 г., то окончательное «политическое решение» о нападении на СССР Гитлер принял не ранее 21 июня 1941 г., когда войска, сосредоточенные на советской границе, получили последнее подтверждение того, что приказ от 10 июня об осуществлении вторжения остается в силе, и начали выдвигаться на исходные позиции для атаки.

Советская сторона не успела завершить сосредоточение и развертывание войск на Западном театре, поэтому вопрос о таком серьезном шаге, как приказ войскам осуществить вторжение на вражескую территорию, просто не мог еще возникнуть. Тем не менее, мы можем говорить о том, что в мае–июне 1941 г., когда скрытное сосредоточение войск уже началось, намерения советского руководства были столь же серьезны, как и намерения немцев двумя–тремя месяцами ранее. Нападение Германии на СССР, по-видимому, произошло еще до того, как советское руководство могло перейти к следующей стадии «принятия политического решения» о начале войны со своим западным соседом.

С представлениями о политическом характере будущей войны тесно связана еще одна группа представлений – о мировой революции. Последние в конце 1930-х гг. претерпели серьезные изменения, позволяющие говорить о том, что на рубеже десятилетий «большевистское руководство окончательно осознало всю призрачность стратегических расчетов на “мировую революцию” как на основное средство для уничтожения “капиталистического окружения”. Сталин подошел к делу более прагматично,

охарактеризовав наступательные действия Красной Армии против сопредельных стран как “дело мировой революции”»²². Впрочем, эта установка не была принципиально новой. Еще в начале 1920-х гг., во время дискуссии о будущей военной доктрине, М.В. Фрунзе опирался на тезис о том, что наступление советских войск приведет к революционному восстанию рабочих, в то время как Троцкий, напротив, утверждал, что революция в других странах должна осуществляться их внутренними силами, а не частями РККА; советская интервенция, по его мнению, если и была возможна, то лишь в условиях нового революционного подъема²³. По-видимому, Сталин просто вернулся к уже существовавшей идее, посчитав, что материальная база для ее осуществления уже заложена²⁴. Интересно его высказывание на ужине в годовщину смерти Ленина 21 января 1940 г.: «Мировая революция как единый акт – *ерунда*. Она происходит в разные времена в разных странах. Действия Красной Армии – это также дело мировой революции»²⁵.

Правда, теперь акцент, по-видимому, сместился именно на роль Красной армии.

Следует также учитывать, что примерно в это же время происходила постепенная трансформация советской идеологии от коммунистического интернационализма в чистом виде к своеобразному советскому патриотизму с немалой составляющей русского национализма. Советский Союз как «родина мирового пролетариата» и «колыбель мировой революции» получил центральную роль в будущей борьбе за наступление социализма. Мы можем проследить этот процесс, например, по тому, как эволюционировал образ врага в советском кинематографе описываемой эпохи²⁶, а также по предвоенным высказываниям Сталина на кремлевских приемах.

Принципиальный вывод из вышесказанного состоит, таким образом, в том, что, несмотря на официальные декларации о подготовке исключительно к отражению возможной агрессии, представители военно-политического руководства СССР на протяжении рассматриваемого периода, по-видимому, никогда не исключали возможности того, что будущая война может начаться и по инициативе самого Советского Союза, если такой шаг окажется необходимым или просто целесообразным с точки зрения складывающейся обстановки. Не менее устойчивым было и представление о взаимосвязи будущей войны с мировой революцией, хотя конкретное содержание этого тезиса со временем претерпевало изменения. Однако, чтобы проанализировать описанные проблемы более тщательно, необходимо сначала проследить, как эволюционировали в описываемое время представления советского военно-политического руководства о составе вероятных противников в будущей войне.

* * *

По данным за конец 1920-х – начало 1930-х гг., в этот период потенциальным противником СССР считалось практически любое буржуазное государство. В 1926 г. М.Н. Тухачевский, в ту пору – начальник штаба РККА, в своем докладе «Вопросы современной стратегии» предполагал, что Советскому Союзу, вероятнее всего, придется иметь дело с коалицией западноевропейских государств или же с восточноевропейскими странами, созданными «западноевропейским капиталом» на советских границах и воспитанными в духе враждебности по отношению к якобы «великодержавному» СССР²⁷.

В начале 1930-х гг. главным противником считалась Франция – по выражению И.В. Сталина, «самая агрессивная и милитаристская страна из всех агрессивных и милитаристских стран мира»²⁸. Второе место отводилось Великобритании. Среди потенциальных противников СССР упоминались и Соединенные Штаты²⁹. Предполагалось также, что для нанесения первого удара по Советскому Союзу и прикрытия собственной мобилизации «великие державы» будут использовать вооруженные силы коалиции государств – непосредственных соседей СССР (Швеция, Финляндия, страны Прибалтики, Польша, Чехословакия, Румыния) во главе с Польшей³⁰. Швеция и Чехословакия рассматривались как военно-промышленная база этой коалиции.

Кроме того, ожидалось, что англичане попытаются использовать свое влияние на Ближнем и Среднем Востоке, чтобы превратить Турцию, Персию, Афганистан и Индию в плацдарм для нападения на СССР. Опасения вызывала и Япония. Предполагалось, что в будущей войне она попытается использовать ресурсы Китая³¹.

В марте 1931 г. В.М. Молотов в докладе на VI съезде Советов обрисовал общую картину отношений Советского Союза с другими странами. По его словам, нормальные добрососедские отношения сохранялись, в частности, с Италией, Турцией, Афганистаном, скандинавскими странами, а также с Германией, несмотря на отдельные проблемы, и даже с Японией (как выяснится позднее, перемены здесь были уже близко). Нормализовались отношения с Великобританией. Напряженными Молотов назвал отношения с Францией, Польшей, Финляндией, Эстонией и Латвией (но не с Литвой). С Соединенными Штатами нормальные отношения в то время отсутствовали, однако в этой части доклада содержится, пожалуй, меньше всего намеков на возможность войны³².

Япония после захвата ею Маньчжурии в 1931 г. стала восприниматься как самый непосредственный источник военной угрозы³³. Однако подчеркивалось, что угроза со стороны прочих капиталистических стран продолжает существовать. Более того, если войну с Японией еще можно представить себе как локальную, то в случае конфликта на западных границах Советскому Союзу придется противостоять, по крайней мере, всей Европе³⁴.

С приходом к власти нацистов в Германии акценты постепенно начинают смещаться. 28 декабря 1933 г. в докладе на сессии ЦИК СССР Молотов сделал еще один обзор отношений Советского Союза с другими странами. Были восстановлены отношения с США. Улучшились отношения с Польшей и Францией (обеим странам в докладе посвящено всего по одному абзацу, без всяких намеков на опасность войны). Отношения с Великобританией Молотов охарактеризовал как благоприятные, несмотря на отдельные проблемы. Он упомянул также о сохраняющейся напряженности в отношениях с Японией и об охлаждении в отношениях с Германией. Обе страны в докладе обозначены как источник военной угрозы (Япония – как действительный, Германия – скорее как потенциальный в перспективе). Молотов специально остановился на выходе обеих стран из Лиги наций как свидетельстве их агрессивных намерений. Отношения с Италией в докладе охарактеризованы как нормальные, в качестве источника угрозы она не рассматривается³⁵.

Впрочем, примерно до середины 1930-х гг. Германии в ряду врагов СССР отводилась еще вспомогательная роль. Интересно, что главным потенциальным противником в это время еще называли Великобританию. Говорилось также о том, что английские империалисты попытаются заключить союз с нацистами, чтобы, воспользовавшись их экспансионистскими замыслами, использовать Германию в качестве «тарана» против СССР³⁶. Франция и союзные ей страны Восточной Европы временно перестали рассматриваться как потенциальные противники. Считалось, что они не решатся нападать на СССР в условиях возникшей угрозы со стороны Германии. С другой стороны, по-прежнему большую тревогу вызывала Япония, которая, предположительно, также могла быть использована англичанами для провокаций против Советского Союза³⁷. Указывалось и на угрозу со стороны государств Скандинавии и Прибалтики, которые могли оказаться под германским влиянием, и стран Среднего Востока, находившихся под влиянием Британской империи³⁸.

С середины 1930-х гг. в качестве основных потенциальных противников стали рассматриваться Германия и Япония. Последняя вначале вызывала большие опасения³⁹, затем этот акцент исчез⁴⁰. В число потенциальных противников снова была включена Польша⁴¹, а также Финляндия, страны Прибалтики и Юго-Восточной Европы – теперь уже как предполагаемая германская сфера влияния⁴². Великобритания отошла на второй

план, хотя и она продолжала упоминаться как потенциальный противник⁴³. Н.Г. Кузнецов, который в этот период командовал крейсером «Червона Украйна» Черноморского флота, пишет, что в то время наиболее вероятными противниками СССР в возможной войне считались Германия, Италия, а также Великобритания и Турция, отношения с которой начали портиться⁴⁴.

Интересные рассуждения о возможном сценарии войны на Западном театре содержатся в показаниях М.Н. Тухачевского 1937 г. Наиболее вероятной ему казалась война с Германией и Польшей, хотя он и отмечает, что еще совсем недавно (видимо, имеется в виду время до прихода Гитлера к власти) в качестве потенциального противника рассматривалась только Польша, а Германия представлялась, скорее, потенциальным союзником. Относительно прибалтийских государств маршал предположил, что они будут сохранять нейтралитет, или же Гитлер попытается оккупировать их, чтобы создать плацдарм для дальнейшего наступления против СССР или (что гораздо более вероятно) для удара в тыл войскам Белорусского фронта, наступающим в Польше. Среди потенциальных противников в документе названа и Финляндия. Предполагается также, что еще до войны с СССР Гитлер оккупирует Румынию и Чехословакию; в противном случае Румынию следует рассматривать в качестве потенциального противника, а Чехословакию – как потенциального союзника. Кроме того, по словам маршала, необходимо считаться с опасностью быть вовлеченными в войну на два фронта: на Западе и на Востоке (очевидно, имеется в виду Япония)⁴⁵.

На рубеже 1930–1940-х гг. первое место в ряду потенциальных противников заняла Германия. В протоколе № 2 заседания ГВС РККА, происходившего 29 марта–1 апреля 1938 г., в разделе, посвященном состоянию Киевского военного округа, командованию округа, в частности, предписывается «принять необходимые меры для приведения в мобилизационную готовность типографий и всего необходимого (шрифты, бумага и пр.) для издания в военное время газет и литературы на немецком, польском и румынском языках. Подобрать теперь же необходимые кадры литераторов на указанных языках». Также предписывается активизировать деятельность разведки, «особенно в приграничной полосе Польши и Румынии»⁴⁶.

Однако в целом список потенциальных противников все же остался прежним. Так, К.А. Мерецков пишет, что летом 1939 г., когда он командовал войсками Ленинградского военного округа, «главными врагами социализма» были Германия, Великобритания, Франция и США; предполагалось также, что они могут втянуть в антисоветскую коалицию Финляндию и страны Прибалтики⁴⁷. Н.Г. Кузнецов добавляет к этому, что на Дальнем Востоке в то время не исключали и возможность нападения японцев.

В 1939–1940 гг. при разработке стратегических планов на случай вступления СССР во Вторую мировую войну в Генеральном штабе исходили из того, что главным потенциальным противником является Германия, которую могут поддержать Италия, Венгрия, Румыния и Финляндия на западе, Турция на юге и Япония на востоке⁴⁸. И.В. Сталин в разговоре на ужине в годовщину смерти Ленина 21 января 1940 г. упомянул о том, что «мы даже очень довольны, что освободимся от какой-либо дружбы с Турцией»⁴⁹.

Несмотря на договор о ненападении с Германией, в кругу близких соратников генсек продолжал подчеркивать, что она остается источником военной угрозы⁵⁰. С лета 1940 г. начали предприниматься осторожные шаги по возобновлению антигерманской пропаганды. Этот процесс усилился на рубеже 1940–1941 гг., а еще больше – после 5 мая 1941 г.⁵¹ По воспоминаниям Э. Муратова, присутствовавшего в этот день на приеме в Кремле выпускников военных академий, Сталин в своей речи не просто назвал Германию одним из потенциальных противников СССР, но и подчеркнул (возражая, опять-таки,

против лозунга о советской миролюбивой политике), что Гитлер готовится к войне с Советским Союзом, и необходимо дать ему отпор⁵².

В то же время нарком обороны С.К. Тимошенко в заключительном слове на совещании высшего комсостава РККА в декабре 1940 г. подчеркнул, что «мы имеем несколько театров возможной войны, кроме Западного, такие как: *Ближневосточный, Средневосточный, Дальневосточный, Прибалтийско-Скандинавский*»⁵³. Упоминание о Ближнем и Среднем Востоке, по-видимому, представляет собою намек на возможность войны с Великобританией. По некоторым данным, в течение 1940 г. в СССР действительно проводилась подготовка к такой войне⁵⁴.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении 1930-х гг. первоначальная тенденция объявлять потенциальными противниками все буржуазные государства, вполне соответствующая официальной советской идеологии, постепенно уступала место более адекватному представлению о том, что основными источниками военной угрозы являются государства, действительно проводящие агрессивную внешнюю политику, – прежде всего Германия и Япония. Однако прежняя установка, в соответствии с которой главным потенциальным противником оставалась Великобритания, не исчезла окончательно даже после начала Второй мировой войны. Не исключено, конечно, что она представляла собою обычный идеологический прием, использованный с целью поддержания в обществе атмосферы «осажденной крепости». Но есть основания и для того, чтобы усомниться в такой гипотезе. Вполне возможно, что постоянное присутствие Великобритании и Франции в официально декларируемом «списке» потенциальных противников СССР даже в условиях, когда гораздо более реальной была угроза со стороны Германии, отражало действительное недоверие советского руководства по отношению к западным демократиям.

* * *

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в начале изучаемого периода представления военно-политического руководства СССР о политическом характере будущей войны и составе потенциальных противников носили довольно общий и отвлеченный характер и были обусловлены сугубо идеологическими соображениями едва ли не в большей степени, нежели конкретной обстановкой. Однако к началу 1941 г. произошел постепенный переход от общих представлений к более конкретным. Так, прежнее представление о будущей войне как об отражении агрессии со стороны коалиции капиталистических государств (как вариант – о вовлечении или даже добровольном вмешательстве Советского Союза в войну между капиталистическими странами) сменилось представлением о ней как о решительной схватке с нацистской Германией, неизбежной, невзирая на договор о ненападении. К этому добавились изменившиеся представления о мировой революции: если раньше она рассматривалась как неизбежная реакция международного пролетариата на сам факт начала большой войны, тем более направленной против Советского Союза, то теперь ее осуществление представлялось скорее как результат сокрушительного наступления Красной армии. Следует также отметить, что возможность вступления СССР в войну по собственной инициативе не исключалась на всем протяжении рассматриваемого периода; это представление продолжало существовать и в 1941 г. В то же время вопрос о том, было ли принято политическое решение о нападении на Германию, следует, по-видимому, признать изначально некорректным, поскольку таким решением по определению мог стать только приказ войскам о переходе в наступление. До завершения стратегического развертывания подобный приказ просто не мог быть отдан.

¹ *Сталин И.В.* Международное положение и оборона СССР // Соч. М., 1949. Т. 10. С. 49–50; *Молотов В.М.* Отчет делегации ВКП(б) в ИККИ: (Доклад и заключительное слово на XVI съезде ВКП(б) 5–7 июля 1930 г.) // *Молотов В.М.* В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 20–21; *Молотов В.М.* Отчетный доклад о работе правительства VII съезду Советов СССР, 28 января 1935 г. // *Молотов В.М.* Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 11–12.

² *Молотов В.М.* План и наши задачи: (Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г. на II сессии ЦИК СССР 10 января 1936 г.) // *Молотов В.М.* Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 177.

³ Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 4. Оп. 14. Д. 379. Л. 2.

⁴ См. напр.: *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1949–1956. Т. 14. С. 125–127; *Молотов В. М.* К двадцатилетию Октябрьской революции: Докл. на торжеств. заседании в Большом театре 6 ноября 1937 г. М., 1937. С. 14; *Молотов В.М.* Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 24.

⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 134 об. Выделено мною.

⁶ *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1949–1956. Т. 10. С. 288–289. Выделено мною.

⁷ *Молотов В.М.* Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 26

⁸ *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 252–253.

⁹ *Тухачевский М.Н.* Полевой устав 1929 года // *Красная звезда.* 1929. 18 июля.

¹⁰ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 48–53.

¹¹ Там же. С. 161–163.

¹² *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 252–253; *Тухачевский М. Н.* Полевой устав 1929 года // *Красная звезда.* 1929. 18 июля.

¹³ *Триандафиллов В.* Указ. соч. С. 48–53.

¹⁴ *Мехлис Л.* [Директива военным советам и начпуокра КОВО и ОдВО] // Военно-исторический архив. 2006. № 2. С. 181.

¹⁵ *Невежин В.А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 134.

¹⁶ Застольные речи Сталина: Документы и материалы / Сост. и предисл. Неvejeва В. А. М., 2003. С. 280.

¹⁷ Там же. С. 281. Выделено в тексте.

¹⁸ Там же. С. 289.

¹⁹ Там же. С. 283–285.

²⁰ Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. С. 490.

²¹ *Мельтюхов М.И.* Канун Великой Отечественной войны: Дискуссия продолжается. М., 1999. С. 22–23.

²² *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 253; ср. с. 67–70.

²³ *Кулешова Н.Ю.* Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов // *Отечественная история.* 2001. № 2. С. 62–65.

²⁴ Там же. С. 65–69.

²⁵ Застольные речи Сталина... С. 229. Выделено в тексте. Оригинал – запись в дневнике Димитрова.

²⁶ *Багдасарян В.Э.* Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг. // *Отечественная история.* 2003. № 6. С. 32, 42–43.

²⁷ *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 253.

²⁸ *Сталин И.В.* Сочинения. М., 1949–1956. Т. 12. С. 255–257.

²⁹ *Тухачевский М.Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 165; *Молотов В.М.* В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 148–149.

³⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 379. Л. 10, 44–45, 55–79. Ср.: *Мерецков К.А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 102.

- 31 РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 379. Л. 55–79, 90.
- 32 *Молотов В.М.* В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 151–157.
- 33 РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 131–132; *Молотов В.М.* В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 461–462.
- 34 РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 140.
- 35 *Молотов В.М.* В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 483–486.
- 36 РГВА. Ф. 9. Оп. 35. Д. 97. Л. 14–16.
- 37 Там же. Л. 14 об.
- 38 Там же. Л. 14 об–17.
- 39 *Сталин И.В.* Беседа с председателем американского газетного объединения Скриппс-Говард Ньюспейперс Рой Говардом 1 марта 1936 г. // *Соч.* М., 1956. Т. 14. С. 124–125; *Уборевич И.П.* Два очага опасности: (Выступление командующего Белорусским военным округом командарма 1 ранга И.П. Уборевича на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ в 1936 г.) // *Военно-исторический журнал.* 1988. № 10. С. 38.
- 40 См. например: *Молотов В.М.* 21-я годовщина Октябрьской революции: (Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6-го ноября 1938 г.). М., 1938. С. 11–13.
- 41 *Молотов В.М.* Отчетный доклад о работе правительства VII съезду Советов СССР, 28 января 1935 г. // *Молотов В.М.* Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 14; *Молотов В.М.* План и наши задачи: (Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г. на II сессии ЦИК СССР 10 января 1936 г.) // *Молотов В.М.* Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 170–174; РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 159, 165.
- 42 РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 159; *Молотов В.М.* План и наши задачи: (Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г. на II сессии ЦИК СССР 10 января 1936 г.) // *Молотов В.М.* Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 170–172.
- 43 РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 500.
- 44 *Кузнецов Н.Г.* Накануне; Курсом к победе. М., 1991. С. 94.
- 45 1937. Показания маршала Тухачевского // *Военно-исторический журнал.* 1991. № 8. С. 44–53; № 9. С. 55–63.
- 46 Главный военный совет РККА... С. 25.
- 47 *Мерецков К.А.* Указ. соч. С. 171.
- 48 Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 104; ср.: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 100–101; *Кузнецов Н.Г.* Указ. соч. С. 277–278.
- 49 Застольные речи Сталина... С. 230; оригинал текста – дневник Димитрова.
- 50 Там же. С. 235.
- 51 *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 129–132.
- 52 Застольные речи Сталина... С. 291–292.
- 53 Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 349. Выделено мною.
- 54 *Невежин В.А.* Указ. соч. С. 117–125.